

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК 811.161.1'282.4(477.74)

БАРАННИК Людмила Фёдоровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
тел.: +38(0482)458590; +38(048)7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА НОСИТЕЛЕЙ РУССКИХ ОСТРОВНЫХ ГОВОРОВ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения лексики русских переселенческих говоров Одесской области с точки зрения преломления в ней культурно-исторических и ментальных воззрений русских диалектоносителей, репрезентирующих диалектную картину мира русских переселенцев.

В современном языкознании феномен региональной языковой картины мира активно исследуется на материале русских говоров основного диалектного массива России. Русские говоры юга Украины в этом аспекте специально не исследовались и, несомненно, заслуживают особого внимания лингвистов в силу исторических условий их становления в отрыве от материнских, преимущественно южнорусских говоров в тесном полиязычном окружении. Анализ фрагмента языковой картины мира носителей русских островных говоров Одесщины на примере ТГ «Наименования домашних животных» отражает жизненную значимость сельскохозяйственного быта для русских переселенцев, их тесные экономические, бытовые и культурные взаимоотношения с соседями-украинцами, болгарами, молдаванами, что выражается в разветвлённой детализации наименований домашних животных, представленной не только русскими номенами, но и заимствованными из языков и говоров как близкого, так и более дальнего родства.

Ключевые слова: русская диалектология, языковая картина мира, русский островной говор, межъязыковые контакты.

Русские говоры Одесской области заслуживают особого внимания в связи с тем, что около 200 лет находятся в отрыве от основного языкового массива, от «материнских» южнорусских диалектов, функционируя в условиях тесного непосредственного контактирования с соседними украинскими, болгарскими и молдавскими говорами. Изучение русских островных говоров, бытующих в разноязычной, диалектной среде, даёт интересный материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для решения важной общезыковой проблемы взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и говоров, проблемы межъязыковых и междиалектных контактов, чрезвычайно актуальной в наше время.

Наша задача — описать некоторые особенности региональной картины мира жителей русских селений Одесской области.

Русские островные говоры Одесской области представляют значительный интерес для лингвистов своими специфическими лексическими особенностями, которые возникли вследствие непосредственных языковых и диалектных контактов разных народов, населявших ранее и населяющих теперь эту пёструю в этническом отношении территорию. Особенно тесны и продолжительны на юге Одесщины контакты между славянами: русскими, украинцами и болгарами. Дружественные экономические, культурные и бытовые связи между русскими, украинцами и болгарами оказали благотворное влияние на развитие и взаимообогащение лексического состава славянских говоров Одесщины, прежде всего в сфере бытовой и сельскохозяйственной, а также в динамике важного с точки зрения сельских жителей фрагмента их языковой картины мира — «Наименования домашних животных».

Исследование региональной языковой картины мира в современной диалектологии является продолжением традиций изучения «языкового знания», представлений об окружающем мире, зафиксированных в семантике языковых единиц, берущий своё начало в трудах выдающихся учёных В. Гумбольдта, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, Э. Сэпира, Б. Уорфа. В современном отечественном языкознании феномен языковой картины мира активно исследуется Ю. Д. Апресяном, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Т. И. Вендиной, В. Г. Гакком, О. А. Корниловым, З. П. Поповой, И. А. Стерниным, Е. В. Брысиной, И. А. Кюршуновой, К. В. Маёровой и др. Языковая картина мира — это «отображение в формах языка устройства

экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объёме значения и внутренней форме языковых единиц» [1, с. 36—37].

Языковая картина мира антропоцентрична и антропоморфична. Так, в региональной языковой картине мира носителей русских говоров Одесщины отражается взгляд на окружающий мир русских крестьян, выясняются наиболее важные с их точки зрения «картинки жизни» (по терминологии Н. Ю. Шведовой). По мнению Н. Ю. Шведовой, «картинки жизни» являются «органическими составными» лексической системы — любого отдельного фрагмента словарного состава языка, который объединяет «единицы, толкуемые единым метаязыком и связанные друг с другом возможностями взаимообогащения (обязательно объяснения одного через другое)» [15, с. 5—6]. «Картинки жизни» представляют определённые фрагменты языковой картины мира, среди которых одно из приоритетных мест для сельских жителей занимают наименования домашних животных, жизненно важных для хозяйственной деятельности сельских жителей.

Русские говоры Одесщины содержат богатый, разнообразный и интересный материал по данной группе лексики, репрезентирующей региональную языковую картину мира носителей русских говоров Одесской области. Объясняется это не только сохранением в исследуемых говорах древних, исконных (литературных и диалектных) лексем, но и наличием в этой лексико-тематической группе большого количества иноязычных слов, заимствованных русскими у соседей: украинцев, болгар, молдаван.

Как показывает анализ, многие наименования домашних животных, бытующие в русских говорах Одесщины, являются общеизвестными, распространёнными на всей русской территории. Это слова общеславянского и восточнославянского происхождения: *баран*, *бык*, *боров*, *конь*, *кобыла*, *корова*, *жеребёнок*, *телёнок*, *кляча*, *овца*, *ярка* [13, с. 3—114]. Являясь общими для русского и украинского языков, они способствуют совпадению отдельных фрагментов региональных языковых картин мира носителей русских и украинских говоров Одесской области, которое неизбежно «как в силу единства человеческого феномена, так и в результате частичного совпадения с картиной объективной действительности: ландшафтами, флорой, фауной, хозяйственной практикой и т. д.» [12, с. 66—67]. Южнорусизмами, воспринятыми от «материнских» говоров, являются лексемы: *бугай* ‘племенной бык’, *третьяк* ‘конь по третьему году’ и ‘бык по третьему году’, *телыца*, *тёлка*, *нётель* ‘молодая, ещё не телившаяся корова’, *яловка* ‘яловая, нетелившаяся корова’, *лошённок* ‘жеребёнок до года’, *годовик* ‘годовой жеребёнок’, *кнур* ‘кладеный кабан’, *хряк* ‘нехолощённый кабан’, *валух*, *валушбок* ‘кладеный баран’, *поросё* ‘поросёнок’, *подсвинок* ‘большой поросёнок’ и др. [4; 11].

Из украинского языка и его говоров русские переселенцы заимствовали общие наименования домашних животных и скота *тварина*, *худоба*, а также дифференцирующие номены: *гуч* ‘жеребец в возрасте двух лет’, *лошя*, *лошница* ‘молодая лошадь’, *неворка* ‘овца в возрасте двух лет’ (ср. укр. *нівора* ‘овца с первым ягнёнком, молодая овца’), *первостка* ‘впервые отелившаяся корова’ (ср. укр. *первістка*), *леха* ‘свинья, оставленная на откорм’ (ср. укр. *льоха*), *цан* ‘козёл’, *пацюк* ‘поросёнок’, *шкана* ‘кляча’, из болгарских говоров — *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *хазман* ‘холощённый баран’, *овён* ‘кастрированный баран’, *магарь* ‘осёл’. Из молдавских говоров русские восприняли лексемы: *нелыпка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыгáя*, *цыгайка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парная*, *парнаяйка* ‘грубошёрстная овца’.

Русским переселенческим говорам, как и говорам основного диалектного массива, присуща разветвлённая детализация наименований домашних животных в зависимости от возраста, пола, функций в хозяйстве, цвета и качества шерсти и т. п. Причём вследствие наличия в островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении, многочисленных заимствованных наименований детализация животных в них более дробная, чем в говорах «материнских», курско-орловских, донских. Сравните, к примеру, зафиксированные в русских говорах Одесщины слова, отражающие возрастную дифференциацию лошадей: южнорусизмы *сосунок* ‘жеребёнок, сосущий матку’, *лошённок* ‘жеребёнок до года’, *стригун*, *стригунок* ‘жеребёнок в возрасте одного года’, *годовик* ‘годовалый жеребёнок’, *третьяк* ‘трёхлетний конь’ [4; 11], украинизмы *лошя*, *лошница* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ [3, с. 21], *гуч*, *гучик* ‘двухлетний жеребёнок’ [5, с. 323; 7, с. 239].

Детализированы по возрасту в русских говорах Одесщины и названия крупного рогатого скота. Среди слов, употребляемых для возрастной дифференциации коров, выделяются русские литературные и диалектные: *тёлка*, *телышка*, *телыца*, *нётель* ‘молодая, ещё не телившаяся корова’, *первица*, *первачка* ‘корова, отелившаяся первый раз’ [4, т. 3, с. 30]. Примечательно, что в этом же значении в русских говорах Одесщины более широко употребляется заимствованное из соседних украинских говоров *первосточка* (ср. укр. *первістка*, ум.-ласк. *первісточка*) [2, т. 3, с. 107; 3, с. 27]. Корова, отелившуюся рано, до трёх лет, русские переселенцы называют *нелыпка*, *нелыпочка*. Лексема *нелыпка* заимствована у молдаван (ср. молд. *нелыкэ*). Слово *нелыпка* ‘корова, которая впервые отелилась несвоевременно, на сезон раньше’

известно и соседним украинским говорам, куда оно также попало из молдавских [7, с. 239; 3, с. 27].

Различают русские переселенцы в зависимости от возраста и названия овцы. Овца по первому году, ещё не ягнвившаяся, обозначается унаследованным из южнорусских говоров общеславянским словом *ярка* (ум. *ярочка*) [4, т. 4, с. 680], материнским южнорусским в исследуемых говорах является также номен *перярка* ‘годовалая овца’ [4, т. 3, с. 100]. Слово *неворка* ‘овца в возрасте двух лет’ заимствовано русскими из украинских говоров (ср. в укр. гов. Одесщины *нівора* ‘овца с первым ягнёнком’ [7, с. 239; 3, с. 17]).

Детализированы названия домашних животных в русских переселенческих говорах Одесской области и по их использованию в хозяйстве, по их основным хозяйственным функциям: *хряк*, *кнур* ‘нехолощёный самец свиньи, производитель’, *газмán* (*хазмán*) ‘холощёный баран’, *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *овён* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’ и т. п.

Проникновение заимствований в исследуемую лексико-тематическую группу, как правило, объясняется издавна свойственной говорам тенденцией к конкретизации, детализации, дифференциации названий домашних животных по актуальным для крестьянского хозяйствования признакам. Стремлением к конкретизации, детализации более общего понятия объясняются такие заимствования из украинских говоров, как *гуч*, *гучик* ‘двухлетний жеребёнок’, *пéрвосточка* ‘впервые отелившаяся корова’, *лошйца* ‘молодая кобыла, которая ещё не жеребилась’ и др., из молдавских — *нелятка* ‘корова, отелившаяся раньше трёх лет’, *цыгáя*, *цыгáйка* ‘тонкорунная овца с мягкой шерстью’, *парна́я*, *парна́йка* ‘грубошёрстная овца’, из болгарских — *коч* ‘баран, оставленный на племя’, *газмán* (*хазмán*) ‘холощёный баран’, *овён* ‘кастрированный баран, оставленный на мясо’.

Вместе с новым понятием, обозначающим ранее неизвестное русским переселенцам животное, в русские говоры из болгарских вошло слово *мага́рь*. Русское лексическое соответствие *осёл* местные жители вообще не знают.

Все заимствованные слова претерпевают на русской почве разнообразные фонетико-морфологические преобразования, некоторые — семантические. В заимствованиях происходит сужение и, напротив, расширение значений, при этом чаще отмечается сужение смыслового объёма многозначного в языке-источнике слова, то есть заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причём в самом конкретном. Это общезыковая закономерность. Известный французский исследователь А. Доза подчёркивает: «В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значений» [6, с. 138]. Сужение семантического объёма заимствованного слова наблюдается при освоении лексических заимствований как из близкородственного, восточнославянского, украинского языка, так и из южнославянского, болгарского. Ср. укр. *пéрвістка* (ум. *первісточка*) — 1. первенец женского пола, 2. родившаяся первой, 3. первый раз отелившаяся корова [2, т. 3, с. 107], в русских говорах *пéрвосточка* употребляется только для наименования впервые отелившейся коровы.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошло многозначное *мага́ре*, освоенное русскими в форме *мага́рь*. В русских говорах сущ. м. рода *мага́рь* — ‘осёл’, в болгарских сущ. ср. рода *мага́ре* не только ‘осёл’, но и переносное, пренебрежительное ‘тупица, болван’ (о человеке), а также ‘кобылка на скрипке’ и ‘козлы для пиления дров’ [14, с. 373]. Слово *мага́рь* в значении ‘осёл’ знакомо также соседним украинским говорам. Как иностранное оно зафиксировано А. А. Москаленко в словаре диалектизмов украинских говоров Одесской области [9, с. 49]. Бытует слово *мага́ри* в молдавском, и в румынском языке. В молдавском *мага́р* — ‘осёл’ [8, с. 402], в румынском *тага́р* ‘осёл’ и перен. ‘тупица, болван’ [10, с. 402]. Однако широкая многозначность слова *мага́ре*, наличие большого количества производных от него в болгарском языке дают основание предполагать, что оно является в болгарском укоренившимся, более древним, чем в молдавском и румынском языках. Вероятно, именно из болгарского оно было заимствовано носителями молдавского и румынского языков, украинских и русских говоров Одесской области.

Наряду с сужением смыслового объёма иноязычных, инодиалектных полисемантических слов, с закреплением их лишь в одном из своих значений, наблюдается, правда, гораздо реже сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Из болгарских говоров в более узком, конкретизированном значении в русские вошло слово *газмán* (*хазмán*). *Газмán* (*хазмán*) в исследуемых говорах ‘холощёный баран’, в болгарских *хазмán* — ‘всякое кастрированное животное’ [16, с. 98].

Иногда при усвоении иноязычных слов наблюдается контаминация. Контаминируют обычно два слова с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфонологической структуре. В качестве взаимодействующих элементов при контаминации выступает, с одной стороны, местное, с другой — близкое ему по звучанию и значению иноязычное слово. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так,

на базе южнорусского *кутёнок* 'щенок' в результате контаминации с украинским *цуценя* в том же значении возник контаминант *куценёнок*.

Отмечены случаи, когда от корней заимствованных наименований домашних животных по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров, образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар *магарь* 'осёл' во всех русских говорах Одесской области образованы дериваты *магарыца* 'ослица', *магарёнок*, *магарёночек* 'детёныш ослицы', *магарята*, *магарятки* 'ослята', а в речи жителей с. Вознесенка Арцизского района употребляются яркие глагольные экспрессивы *магарить*, *магарничать* 'тяжело работать' и производные от них *помагарить*, *помагарничать*, *намагариться*, что свидетельствует о полном освоении их этимона *магарь* русскими переселенцами.

Взаимодействие исконных, южнорусских слов с русскими литературными и заимствованными из соседних языков и говоров приводит к появлению во фрагменте языковой картины мира русских крестьян, связанной с животными, большого количества дублетов и синонимов: *баран* — *овён* — *газмán* (*хазмán*) — *коч*; *магарь* — *осёл*; *кутёнок* — *щенок* — *куценёнок* — *цуценя*; *козёл* — *цап*; *тёлка* — *телыца* — *телушка* — *нётель*; *свинья* — *свиння* — *лёха* и др.

Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления. По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованных и русских слов, выделяются, во-первых, дублеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *баран* — *овён*; *козёл* — *цап*; *свинья* — *лёха*; *поросёнок* — *порося* — *подсвінок* — *пацюк*; во-вторых, дублеты с более употребительным заимствованным, украинским или болгарским компонентом: *пёрвосточка* — *пёрвачка* — *пёрвица*; *шкáна* — *кляча*; *магарь* — *осёл*.

Обычно жители русских селений дают оценку дублетам как «старым» или «новым», «чужим» или «своим» и т. п. В результате такой стилистической дифференциации в русских островных говорах появляются стилистические синонимы.

Заимствованные наименования домашних животных, несомненно, обогащают лексико-семантическую систему переселенческих говоров. Они позволяют конкретизировать некоторые общие понятия, разграничить оттенки значений, обогащают местную синонимику и региональную языковую картину мира, заполняя в ней лакуны, актуально важные для носителей русских островных говоров Одесской области.

Приведённые детализированные наименования домашних животных в русских переселенческих говорах Одесской области — яркое свидетельство того, что актуальные, жизненно важные объекты и явления для хозяйствования в сельских условиях жители русских селений дифференцируют наиболее детально, подробно, привлекая с этой целью лексические заимствования из соседних языков и говоров исследуемого полиэтнического региона. В результате такого межкультурного и междиалектного взаимодействия в сознании носителей русских говоров рождается обновлённый, развёрнутый фрагмент языковой картины мира, связанный с животноводством, доминантой которого является микросистема наименований домашних животных по признакам, наиболее существенным, жизненно актуальным для сельских жителей, включающая не только русские номены, но и заимствованные как из славянских, так и неславянских говоров, длительное время (около двухсот лет) функционирующих в полиэтническом регионе юго-запада Одесской области.

Л и т е р а т у р а

1. Гак В. Г. Русская динамическая языковая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык сегодня: сб. статей. — М. : Азбуковник, 2000. — Вып. 1. — С. 36—44.
2. Гринченко Б. Словарь украинского языка : в 4 т. / Б. Гринченко. — К., 1907—1909.
3. Гриценко П. Ю. Моделювання системи діалектної лексики / П. Ю. Гриценко ; АН Української РСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. — К. : Наукова думка, 1984. — 227 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1955.
5. Дзендзелівський Й. О. Українські говори Нижнього Придністров'я : дис. ... канд. філол. наук (рукопис) / Й. О. Дзендзелівський. — Одеса, 1951. — Ч. 1.
6. Доза А. История французского языка / А. Доза. — М. : Изд-во иностранной литературы, 1956. — 472 с.
7. Дроздовський В. П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського районів Одеської області / В. П. Дроздовський // Праці Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова. — Одеса, 1958. — Т. 148. Вип. II.
8. Молдавско-русский словарь / редкол.: А. Т. Борщ, М. В. Подико, В. П. Соловьёв. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1961. — 780 с.
9. Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області / А. А. Москаленко. — Одеса, 1958. — 78 с.
10. Румынско-русский словарь / ред. Б. А. Андрианов, Д. Е. Михальчи. — М. : Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1953. — 975 с.

11. *Словарь русских народных говоров* / ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. — М. ; Л., 1965—2002. — Вып. 1—36.
12. *Сукаленко Н. И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира / Н. И. Сукаленко ; АН Украины ЦНИПИЯ ; общ. ред. В. В. Акуленко. — К., 1992. — 164 с.
13. *Трубачёв О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования) / О. Н. Трубачёв. — М., 1960.
14. *Чукалов С.* Българско-руски речник / С. Чукалов. — София : Издание на Българската академия на науките, 1957. — 992 с.
15. *Шведова Н. Ю.* Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1.
16. *Швецова Т. В.* Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР / Т. В. Швецова. — М., 1952. — Вып. 2.

References

1. *Gak V. G.* Russkaja dinamičeskaja jazykovaja kartina mira / V. G. Gak // Russkij jazyk segodnia : sb. statej. — М. : Azbukovnik, 2000. — Vyp. 1. — S. 36—44.
2. *Grinchenko B.* Slovar' ukrainskogo jazyka : v 4 t. / B. Grinchenko. — K., 1907—1909.
3. *Grycenko P. Ju.* Modeliuвання systemy dialektnoji leksyky / P. Ju. Grycenko ; AN Ukrain's'koi RSR, In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. — K. : Naukova dumka, 1984. — 227 s.
4. *Dal' V. I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka : v 4 t. / V. I. Dal'. — М. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovar'ej, 1955.
5. *Dzendzelivs'kyj J. O.* Ukrain's'ki govory Nyzhn'ogo Prydnistrov'ja : dys. ... kand. filol. nauk (rukopys) / J. O. Dzendzelivs'kyj. — Odesa, 1951. — Ch. 1.
6. *Doza A.* Istorija francuzskogo jazyka / A. Doza. — М. : Izd-vo inostr. lit., 1956. — 472 s.
7. *Drozdovs'kyj V. P.* Sposterezhennia nad sil's'kogospodars'koju leksykoju ukrajins'kyh govirok Tatarbunars'kogo, Tuzlivi's'kogo i Sarats'kogo rajoniv Odes'koi oblasti / V. P. Drozdovs'kyj // Praci Odes'kogo derzhavnogo universytetu im. I. I. Mechnykova. — Odesa, 1958. — T. 148. Vyp. II.
8. *Moldavsko-russkij slovar'* / redkol.: A. T. Borshch, M. V. Podiko, V. P. Solov'jov. — М. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovar'ej, 1961. — 780 s.
9. *Moskalenko A. A.* Slovnyk dialektizmiv ukrajins'kyh govirok Odes'koi oblasti / A. A. Moskalenko. — Odesa, 1958. — 78 s.
10. *Rumynsko-russkij slovar'* / red. B. A. Andrianov, D. E. Mihal'chi. — М. : Gos. izd-vo inostrannyh i nac. slovar'ej, 1953. — 975 s.
11. *Slovar' russkikh narodnyh govorov* / red. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov. — М. ; Л., 1965—2002. — Вып. 1—36.
12. *Sukalenko N. I.* Otrazhenie obydenного soznanija v obraznoj jazykovoj kartine mira / N. I. Sukalenko ; AN Ukrainy CNIPIYA ; obshch. red. V. V. Akulenko. — K., 1992. — 164 s.
13. *Trubachiov O. N.* Proiskhozhdenie nazvanij domashnih zhivotnyh v slavianskih jazykah: (Etimologičeskie issledovanija) / O. N. Trubachiov. — М., 1960.
14. *Chukalov S.* Bylgarsko-ruski rechnik / S. Chukalov. — Sofiya : Izdanie na Bylgarskata akademija na naukite, 1957. — 992 s.
15. *Shvedova N. Ju.* Teoreticheskie rezul'taty, poluchennye v rabote nad «Russkim semanticheskim slovariom» / N. Ju. Shvedova // Voprosy jazykoznanija. — 1999. — № 1.
16. *Shvecova T. V.* Materialy dlja slovaria bolgarskih govorov SSSR. Slovar' govora sela Tvardicy MSSR / T. V. Shvecova. — М., 1952. — Вып. 2.

Баранник Людмила Федорівна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
тел.: +38(0482)458590; +38(048)7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

РЕГІОНАЛЬНА МОВНА КАРТИНА СВІТУ НОСІЇВ РОСІЙСЬКИХ ОСТРІВНИХ ГОВІРОК ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

Анотація. Стаття присвячена проблемі вивчення лексики російських переселенських говірок Одеської області з точки зору відображення в ній культурно-історичних та ментальних поглядів російських діалектосіїв, які репрезентують діалектну картину світу російських переселенців.

У сучасному мовознавстві феномен регіональної мовної картини світу активно досліджується на матеріалі російських говірок основного діалектного масиву Росії. Російські говірки півдня України в цьому аспекті спеціально не досліджувалися і, безумовно, заслуговують на особливу увагу лінгвістів у силу історичних умов їх становлення у відриві від материнських, переважно південноросійських говірок у тісному міжмовному оточенні. Аналіз фрагмента мовної картини світу носіїв російських острівних говірок Оदेशчини на прикладі ТГ «Назви домашніх тварин» відображує життєву значимість сільськогосподарського побуту для російських переселенців, їх тісні економічні, побутові та культурні взаємини з сусідами: українцями, болгарями, молдаванами, — що виражається в розгалуженій деталізації найменувань домашніх тварин, яка представлена не тільки російськими номенами, а й запозиченими з мов і говірок як близької, так і більш далекої спорідненості.

Ключові слова: російська діалектологія, мовна картина світу, російська острівна говірка, міжмовні контакти.

Ludmila F. BARANNIK

Ph.D. in Philological Sciences, Assistant Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
tel.: +38(0482)458590; +38(048)7762277; e-mail: philolog@onu.edu.ua

REGIONAL LINGUISTIC IMAGE OF THE WORLD OF CARRIERS OF RUSSIAN INSULAR DIALECTS OF ODESSA REGION

Summary. The article deals with the main peculiarities of the regional linguistic world image of carriers of Russian insular dialects of Odessa region. In modern linguistics the phenomenon of the regional linguistic image of the world is actively investigated on material of the Russian dialects of the main dialect mass of Russia. The Russian dialects of the South of Ukraine were not specially investigated in this aspect, but deserve special attention of linguists owing to historical conditions of their formation in a separation from maternal, mainly South Russian dialects in different linguistic surroundings. The analysis of the fragment of the linguistic world image of carriers of the Russian insular dialects on the example of names of Pets reflects the vital importance of agricultural life for the Russian immigrants, their economic and cultural relationship with Ukrainian neighbors, Bulgarians, Moldavians, and it shows detailed elaboration of household animals presented not only in Russian appellatives but also borrowings from close and distant relationship.

Key words: Russian dialectology, linguistic image of the world, Russian insular dialect, interlingual contacts.

Статью отримано 21.10.2014 р.

УДК 811.512.1'22: 929.624.84:801.7:003:903'15(4/5)

КАИРЖАНОВ Абай Каиржанович,

доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан;

e-mail: kairzhanov@list.ru ; адрес: г. Астана, ул. Мустафина, 21/5, кв. 31

ГЕНЕЗИС ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА (на материале тамги-знаков евразийских кочевников)

Аннотация. В статье исследуется проблема происхождения древнетюркского рунического алфавита. Автор подвергает конструктивной критике две гипотезы происхождения рун: 1) финикийско-арамейскую гипотезу; 2) согдийскую теорию образования тюркских рун. В настоящей работе обосновывается тамговая (пиктографическая) теория формирования древнетюркского рунического алфавита, созданного на основе тамги и тамгообразных знаков, принадлежащих тюркским тейпам, обитавшим в Великой степи на рубеже двух эр. Такое обоснование тамговой теории стало возможным благодаря археологическим разысканиям на территории кочевников Великой степи. Результаты исследования простых (базовых) и сложных тамга-знаков и тамгообразных знаков свидетельствуют о создании рунического письма ещё на рубеже двух эр. В настоящей статье сливаются тамги-знаки с максимальной полнотой, собранные многими учёными в течение двух столетий почти на всём протяжении Евразии: от большой излучины Яшил-угюз (Великая Жёлтая река) на Востоке и до центральных земель Европы. Определены четыре перехода в эволюции рунического письма и намечены перспективы исследования в диахроническом аспекте, что позволит освободиться от квазинаучных обобщений и выводов.

Ключевые слова: тамга, тамгообразные знаки, руны, аккультурация, пиктограмма (идеограмма), иконический образ, первосмысл, перевозок, семантический сдвиг.

По проблеме происхождения тюркской руники существует три подхода, три гипотезы: 1) влияние финикийского (арамейского) письма; 2) в основе тюркских рун лежит согдийское письмо; 3) основой тюркских рун является эволюция тамги и тамгообразных знаков-пиктограмм.

Представим краткий обзор первых двух гипотез.

1. **Влияние финикийского (арамейского) письма.** Эту гипотезу впервые выдвинул Вильгельм Томсен, который считал, что древние турки приспособили арамейское письмо, восходящее к финикийскому алфавиту, для фонетической системы древнетюркского языка [40, с. 7]. Эту точку зрения подхватил и стал развивать О. Доннер. Он подверг анализу надписи на монетах Парфянского царства династии аршанидов (III—II вв. до н. э.). По его мнению, именно эти знаки были своеобразным вторым звеном после арамейского письма в процессе становления тюркских рун. Другими словами, элементы письма аршанидов оказали влияние на образование